

УДК 81'373

МЕТКОЕ ЛИ СЛОВО ПОСЛОВИЦА?

О.И.Федосов

IS A PROVERB AN APT WORD?

O.I.Fedosov

Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия, fedosov@gmail.com

В статье ставится вопрос о том, в какой степени паремиологические исследования находятся в зависимости от «этнологического» подхода к изучению языка, унаследованного современной паремиологией от этнографии и лингвистики XIX века. На примере анализа значения и употребления единственной пословицы в современном узусе высказывается предположение о том, что изучение пословиц до сих пор подвластно романтическим представлениям о связи языка и народного духа, что мешает видеть паремийный фонд прежде всего как особую часть лексикона.

Ключевые слова: лингвистика «внешняя» и «внутренняя», лексикон, паремиология, ономазиология, диффузность значения паремий, семантическое поле, «меткое слово»

The study addresses the question to what degree the paremiological research is dependent on the ethnological approach to the study of language inherited by the modern paremiology from the XIXth century ethnography and linguistics. On the example of the analysis of the meaning and usage of a single proverb nowadays I make an assumption that proverb research is still a subject to romantic imagination about relationship among a language and folk spirit, which prevents scholars from seeing the paremiological stock of a language as a special part of a lexicon.

Keywords: “external” and “internal” linguistics, lexicon, paremiology, onomasiology, diffusion of meanings of paremias, semantic field, “apt word”

Шестые «Жуковские чтения» в Великом Новгороде посвящены уникальному наследию языка и культуры, составляющему паремиологический фонд языка. При изучении пословиц, однако, необходимо четко отдавать себе отчет, исследуем ли мы их с позиций языкознания, или же с позиций сосюрдовской «этнологии» или же «внешней» лингвистики [1]. С позиций «внутренней лингвистики» необходимо рассматривать пословицы как единицы лексикона, как составную часть общего фразеологического фонда языка, которая обладает целым рядом весьма специфических и еще плохо описанных свойств, главными из которых являются свойства нерегулярной сочетаемости и аномальной семантики.

Пословица видится нам сегодня не столько как «кладезь народной мудрости», «кодекс правильного поведения» или украшающий элемент речи, сколько как комплексный семиотический су-перзнак с особыми семантическими и структурными качествами, как средство номинации, онома-

Изучение пословиц с т.ч. «внутренней» и «внешней» лингвистики нам хотелось бы рассмотреть на примере всего одной паремии (пословичной единицы — далее ПЕ), попробовав описать ее значение. Тут видится некое противоречие: семантика пословиц часто считается диффузной, «расползающейся вширь», пословицы с трудом поддаются как толкованию, так и тематической классификации. В целях адекватно описать значение пословиц ведутся поиски базовых концептов, паремийных конденсатов, разрабатываются формальные методы, модели и языки для моделирования значения и этических понятий, выражаемых пословицами. Однако, возникает вопрос, нужно ли это? Ведь по другим представлениям, пословица — это «меткое слово», сгусток мысли, мысль, отчеканенная поколениями до идеальной ясности, отлитая в четкую форму, несущую в себе яркий образ. Продолжая эти метафорические сравнения, можно сказать, что пословица — это идеально отлитая пуля для меткого попадания в самую суть, истина в последней инстанции.

«В них всё есть — издевка, насмешка, попрек, словом — всё шевелящее и задирающее за живое», — эту цитату из Н.В.Гоголя приводит В.П.Аникин в предисловии к своему собранию русских пословиц [2]. А в знаменитом гоголевском «гимне» русскому языку, в котором хотя и отдается дань языкам других народов, сказано:

И всякий народ <...> своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражение его часть собственного своего характера <...> но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово. Н.В.Гоголь. Мертвые души (1842) [здесь и далее приведены текстовые цитаты из НКРЯ, <http://www.ruscorpora.ru>].

Пафос и образность гоголевского определения известны и науке. В.М.Мокиенко в своем предисловии к собранию М.И.Михельсона пишет, что «...им самим вполне ясно сознается относительность термина и понятия *меткое и ходячее слово*. Удобного и жесткого определения этого термина им не предложено (как, впрочем, не сделано это и современной фразеологической теорией)» [3].

Итак, каково же в действительности значение пословицы? Диффузно-расплывчатое или меткое, ясное, контретно-определенное?

Анализу материала предварим еще одно замечание. На юбилейной конференции 2002 г., посвященной 150-летию смерти Франтишека Челаковского и выхода в свет его знаменитого пословичного собрания «Мудрословие народов славянских», в одном из рефератов пословичный фонд определяется так: это «способ кодирования этнической культуры, своеобразный источник информации межпоколенного пространства, свидетельство сохранения генетической памяти народа, атрибут формирования национального сознания, морально-этических и эстетических основ» [4]. Если это так — в чем подчас приходится сомневаться с свете данных, накопленных современной паремиологией по теме «свое» и «чужое» — то готов «культурно-исторический» портрет любого народа. Речь здесь идет, однако, именно о сосюрской «этнологии», т.е. «внешней лингвистике», получившей расцвет в XIX веке в ответ на пробуждение национального самосознания славянских и других народов в ходе их борьбы за независимость.

Однако на той же конференции основатель современной чешской школы фразеологии Ф.Чермак говорил: разработка ономазиологических и таксономических систем в лингвистике вообще, и в паремиологии в частности, пока что относится к области благих пожеланий. В паремиологии до сих пор преобладают ономазиологические описания, возникшие еще в XIX веке в русле этнографии. «Теоретическая значимость такой классификации из-за ее импрессионизма и неясности с современной точки зрения равна нулю» (перевод наш — О.Ф.) [5]. Это — голос лингвистики «внутренней».

Рассмотрим теперь пример известной паремии *ворон ворону глаз (реже — глаза) не выклюет*. О про-

исхождении данной паремии исследователями собрано много сведений. Достаточно указать на длинный перечень параллелей в новых и древних языках, приведенный М.И.Михельсоном [6], напр. латинское *Corvus corvo oculos non effodit*, впрочем, известное и в другом варианте как: *Cornix cornici oculum non confodit*.

Очевидно, указать на единственный первоисточник русской паремии при таком изобилии соответствий в разных языках не представляется возможным. Важно, что этот образ был известен многим народам во все времена, что не исключает и его самостоятельного происхождения в рамках русского (древнерусского?) языка. Образ, лежащий в основе внутренней формы данной ПЕ, основан на наблюдении за реальным поведением ворон как птиц-хищников: например, не далее как в январе этого года именно (серая, «городская») ворона напала на голубя мира, который был выпущен во время традиционной воскресной проповеди папы Римского Франциска в Ватикане. Представителей же своего рода (*Corvus*) ни ворон, ни ворона (разные виды птиц одного рода) обычно не трогают. Сила и ум воронов отразились в мифологии, символически, геральдике. Самый знаменитый средневековый король Венгрии Маттиаш (*Matthias*) получил прозвище *Corvinus*, связанное с династической легендой, а сегодня это имя носит один из крупнейших будапештских университетов.

Инвариантом в современном русском языке можно считать форму *ворон ворону глаз не выклюет*, т.к. собранные и описанные, например, в БСРП, варианты с иной формой глагола (*выклёвывает, выклюват, выклюнет*), или расширенный вариант <...> *а выклюнет, не вытащит* являются либо диахронными, либо диалектными формами ПЕ [7]. По свидетельству НКРЯ, нередко и самостоятельное употребление одного синтагматического «ядра» пословицы *ворон ворону*:

Олег Пригулин, даже засаленный нынешним окружением, засветился своим «монастырским» прошлым передо мной только потому, что я тоже был когда-то «монахом». *Ворон ворону...* В.Скворцов. Каникулы вне закона (2001)

В этом случае правомерно поставить вопрос об отношении целой ПЕ (современный инвариант) к ее трансформе (напр., частотность употребления обеих форм в письменных источниках и в разговорной речи), которая в дискурсе играет роль, скорее, речевой формулы с семантикой результирующего (или каузального) выражения.

Данная ПЕ может вводиться автором в текст со следующим метаязыковым комментарием: *пословица, старая пословица, поговорка* (М.Горький. Жизнь Клима Самгина), *народная мудрость, мудрое правило, житейская истина, как говорится, по принципу, работает принцип, сомнительный принцип*. При исчерпывающем описании данной ПЕ необходимо выделить все текстовые коннекторы в ее окружении, т.к. они являются показателем ее различных интерпретаций, например, и таких:

Ворон ворону глаз не выклюет! — *угрюмо, словно про себя замечает* третий, уже седой человек, одиноко доедающий в углу свои щи. Ф.М.Достоевский. Записки из мертвого дома (1862).

Подробное толкование пословиц, дефиниция их значения — редкое явление в словарях, что объяснимо многими практическими и теоретическими трудностями. Конкретно для чешского варианта «всемирно известной» ПЕ *ворон ворону глаз не выклюет* (*Vrána vráně oči / oko nevyklove.*) нам удалось обнаружить развернутую дефиницию в 4-м томе чешского фразеологического словаря, включающего всего около 1000 пословиц (т.е. 10% объема данного тома фразем с формой предложения). С помощью разработанного для всех четырех томов словаря (т.е. для всех типов фразем и идиом, куда включено около 40 тысяч ФЕ) единого метаязыка авторы так описывают значение данной пословицы:

Человек мудрый, опытный в обращении к другому об отношениях третьего и четвертого (лиц) в ситуации конкуренции, в предпринимательстве, обычно подчеркивая их нехорошие, предосудительные качества и цели; люди похожих (плохих) личных качеств солидарны и не вредят друг другу [8] (дословный перевод наш — О.Ф.).

Для русского языка развернутое толкование данной ПЕ привел в своей монографии *Лингвистическая экспертиза текста* А.Н.Баранов: «Пословица *ворон ворону глаз не выклюет* в современном русском языке характеризует ситуации, когда какое-то лицо, обнаружив неблагоприятную деятельность другого лица, не предпринимает усилий для ее обнародования или пресечения, поскольку и сам занимается подобными делами» [9]. Примечательно, что пословица использована в ситуации, когда таможенники-казнокрады, злоупотребляя своим служебным положением, договариваются с ревизорами. Эта дефиниция ПЕ дана в книге по юрислингвистике, описывающей анализ феноменов языка и речи, которые становятся предметом спора в судах. Например, правомерен вопрос, может ли данная пословица, адресованная какому-то лицу, интерпретироваться последним как клевета, и послужить поводом к обвинению использовавшего ее в оскорблении достоинства?

Итак, отметим здесь, что ту же самую ПЕ чешские лексикографы описывают в контексте конкуренции и предпринимательства, а российский фразеолог и специалист по судебным лингво-экспертизам в контексте коррупции.

Семантику отдельной ПЕ можно описывать в рамках того семантического поля, в которое входят близкие по смыслу ПЕ. Так, в сборнике В.П.Аникина можно найти следующие пословицы (приводим список без указания страниц): *Брат брата не выдаст. Вор вора покрывает. Вор на вора не челобитчик. Рыбак рыбака видит издалека. Волк волка не съест. Волк волку хвоста не отдавит. Змея свинью не кусает. И змея своих детей не ест. Сокол сокола по полету знает. Дурак дурака видит издалека. Солдат солдату родной брат. Лих медведь, да своих детей не ест. Свой своему поневоле друг (брат).*

Семантические отношения между неоднородными единицами этого семантического поля сложны и многообразны. Синонимия, антонимия, полисемия цепочечная или радиальная, направления семантической деривации и прочие аспекты описания могли бы

дать подробную картину отношений между значениями ПЕ. Опустив сейчас все эти подробности, поставим единственный вопрос: о каком конкретно поле может идти здесь речь, и есть ли такое слово, гипероним, значение которого покрывало бы все значения ПЕ — членов этого поля, как, например, с случае полей: ПЬЯНСТВО, СТРАХ, НЕУДАЧА, ОБМАН, ГОРЕ, РАДОСТЬ, ДОБРОТА и т.д. Возможно, что для естественной, интуитивно выделяемой семантической группы ПЕ, близких по смыслу пословице *ворон ворону глаз не выклюет*, в русском языке нет адекватного названия. ПОКРЫВАТЕЛЬСТВО, НЕ ДЕЛАНИЕ ВРЕДА СООБЩНИКУ и т.п. «эксперименты», возможно, дали бы в конце концов какой-то результат, но вместе с тем можно предположить, что ни один из таких результатов нельзя будет считать окончательным потому, что пословица *ворон ворону глаз не выклюет* будет и дальше жить в дискурсе и применяться в самых различных, близких к «исходной», ситуациях, конкретную смысловую структуру которых вперед предсказать невозможно.

Из-за ограниченности места мы не сможем привести здесь всех реальных контекстов употребления данной ПЕ, обнаруженных нами лишь в базе НКРЯ и в поисковой программе ЯНДЕКСА. (О всех прочих и недоступных нам «по техническим причинам» потенциальных источниках — региональная российская пресса, общегосударственное и местное радио и телевидение, корпус разговорного языка, русскоязычная пресса и литература за рубежом и т.д. — и говорить не приходится! При полноте описания надо было бы учесть и такие источники.). Упрощенный поиск, однако, показал, что наиболее типичным контекстом для этой ПЕ в современном русском дискурсе является... корпоративность и коррупция.

В текстах и комментариях ПЕ используется часто как результирующее высказывание в окружении таких выражений, как *корпоративная солидарность, цеховая солидарность, мундиро-цеховая солидарность, псевдоцеховая солидарность*. Наше «меткое слово» и «народная мудрость», как ни странно, проще всего толкуется лексемами иностранного происхождения. Чиновники, депутаты верховные и местные, врачи и журналисты, адвокаты и работники суда, полиция, представители практически любых «корпоративов», даже и церковные деятели «солидарны» между собой:

Ворон ворону глаз не выклюет. Папа римский Бенедикт XVI выразил солидарность с позицией Русской православной церкви по делу о панк-молебне Pussy Riot в храме Христа Спасителя. Об этом сообщает пресс-служба Отдела внешних церковных связей Московского патриархата (НКРЯ).

При этом далеко не все контексты носят эвлюативный характер однозначного осуждения, как можно было бы судить по словарным толкованиям: смысловая структура ПЕ и коннотации гораздо сложнее.

От героических легенд древности до солидарности махинаторов и жуликов — все это и еще многое другое может вызывать в говорящих ассоциации с образом вóрона и пословицы о нем. Напрашивается параллель с мыслями Л.Виттгенштейна о том, что

выяснить истинное значение слова невозможно: *the meaning of a word is its use in a language*. Недоверие к способности слова постичь самую суть вещей проходит через всю историю философии, мышления о языке — от стоиков до Б.Рассела и Л.Виттгенштейна. Так не является ли наше безусловное доверие к «меткости» пословиц — «слов» гораздо более сложных, чем слово обычное — неким атавизмом романтических представлений о связи языка с народным духом, отголоском «внешней» лингвистики в сосюрловском понимании?

Пословицы любого языка заслуживают ответа и на этот вопрос.

1. де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. / Под ред. А.А.Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 59-61.
2. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М., 1988. С. 3.
3. Мокиенко В.М. Морис Ильич Михельсон и его «Русская мысль и речь...» // Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое. М., 1994. Т. 1. С. 13.
4. Миронова Г. Паремийный фонд национального языка: потенции, проблемы и задачи // *Parémie národů slovanských*. Ostrava, 2003. С. 67.
5. Čermák F. Onomaziologické systémy u propozic a proverbii. // *Parémie národů slovanských*. Ostrava, 2003. С. 47.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. М., 1994. Т. 1. С. 121.

7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010. С. 154.
8. Čermák F. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy větné. Praha: Leda, 2009. С. 977.
9. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта, 2007. С. 69-70.

References

1. Saussure de, F. Trudy po yazykoznaniiu [Writings in general linguistics]. Ed. by A.Holodovich. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 59-61.
2. Anikin V.P. Russkie poslovitsy i pogovorki [Russian proverbs and sayings]. Moscow, 1988, p. 3.
3. Mokienko V.M., Moris Il'ich Mikhel'son i ego "Russkaya mysl' i rech'..." [Maurice I. Michelson and his "Russian thought and speech..."]. Michelson M.I. Russian thought and speech: self and other's. Moscow, 1994. Vol. 1, p. 13.
4. Mironova G. Paremiyny fond natsional'nogo yazyka: potentsii, problemy i zadachi [Paremiological stock of the Russian language: potential, problems and challenges]. *Parémie národů slovanských*. Ostrava, 2003, p. 67.
5. Čermák F. Onomaziologické systémy u propozic a proverbii. *Parémie národů slovanských*. Ostrava, 2003, p. 47.
6. Michelson M.I. Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe [Russian thought and speech: self and other's]. Moscow, 1994. Vol. 1, p. 121.
7. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaev E.K. The big dictionary of Russian proverbs. Moscow, 2010, p. 154.
8. Čermák F. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy větné. Praha, Leda, 2009, p. 977.
9. Baranov A.N. Linguistic expertise of the text. Moscow, Flint Publ., 2007, pp. 69-70.